

«Ты – Петр, и на этом камне...»

Рассмотрен смысл евангельского высказывания, вызывающего непонимание и противоречивые толкования.

Введение

Евангельское выражение «Ты – Петр, и на этом камне...» вызывает непонимание и противоречивые толкования. Считается, что слово Петр означает именно камень, согласно его *греческой* этимологии: Петр=камень (*πέτρα, πέτρη* – скала, утес, каменная глыба, то же и по-латыни – *petra, ae, f.* – скала, камень). Однако ниоткуда не вытекает, почему это человек по имени Симон вдруг получает прозвище «камень», ставшее его новым «именем». Что общего у него с этим прозвищем?

Его характер несколько не соответствует предполагаемой твердости камня. Он первым признал Христа и первым же от него отрекся, затем в посмертии повторно его признал и снова чуть было не отрекся, пока явившийся лично Христос его в этом не укорил. Этот человек отнюдь не камень (по-русски говорится «кремень»), скорее тростник ветром колеблемый. Поэтому церковные толкователи и пытались с разной степенью убедительности заменить Петра в качестве «камня» сказанными им перед этим словами и даже самим Христом, что тоже ниоткуда не вытекает. Самого себя, что ли он станет называть камнем?

Окончание высказывания «и на этом камне я создам церковь мою» непонимания не вызывает. Нечто, предшествующее сказанному, символически названо закладным камнем начала строительства новой религии. Но что же явилось этим нечто, объявленным символическим закладным камнем? Что такого сделал, сказал или явил собой Симон, чтобы оно могло послужить причиной этого заявления?

Чтобы разобраться в этом, нужно рассмотреть контекст высказывания.

Прежде всего, оно относится ко времени *начала служения*. Уже собраны ученики, будущие апостолы, явлены свидетельства силы и способностей Учителя, изложены некие его мысли. Но все это пока еще не собрано в систему и присутствующие даже не подозревают, к чему оно приведет и в чем высший смысл этого промысла. А главное отсутствует понимание, кто такой сам Учитель.

Но, прежде всего, нужно попытаться представить, как он сам мог воспринимать себя.

Для этого необходимо обратиться к его имеющимся биографическим сведениям.

Об этом сообщают следующие евангельские эпизоды.

Рождение.

Если исключить эпизод с преждевременными родами, пещерой, яслями среди овец, имеем следующее сообщение.

К моменту рождения откуда-то «с Востока» прибывает посольство с единственной целью поклонения новорожденному, сопровождаемому поднесением даров. Названное волхвами, т.е. магами, путешествующими «за путеводной звездой», т.е. неизвестно куда и откуда, а после завершения миссии вручения этих даров возвратившихся восвояси (хотя и иным путем).

Все это может означать только одно – прибытие вассалов для всеподданнейшего приветствия *царственными* дарами наследника, родившегося в царской семье. Очевидно, что они брели отнюдь не куда попало, а строго за путеводной звездой, прямо в столицу империи. Тут не заблудишься, поскольку все дороги ведут в Рим, т.е. в Царьград. Между прочим, известное выражение «из варяг в греки *и обратно*» тоже толкуется акад.Б.А.Рыбаковым как

возвращение восвояси *иным путем*. Он даже предположил – морем вокруг Европы. Чтобы не грести против течения по Волге ли, по Днепру, в зависимости от того, где историки нарисуют стрелочками на карте путь из варяг в греки.

Сретение.

Дальше следует его принесение во храм. С целью выполнения некоего обряда.

Этот эпизод называется «сретением». Ныне это уже непонятное слово переводится как просто «встреча». Кого и с кем? – Храмового священника с внесенным во храм младенцем.

Это может быть сопоставлено с эпизодом из кинофильма «Человек с ружьем». Когда герой растерянно роняет чайник, бежит куда-то с вытаращенными глазами, чтобы оповестить окружающих восторженными словами: «Товарищи! Товарищи! Я только что разговаривал с ЛЕНИНЫМ!!!»

Этот эпизод означает «узнавание божества».

Смысл происходящего, вероятно, сводится к следующему. Царственному помазаннику составляется гороскоп, по которому дается предсказание будущего. В соответствии с его рангом, безусловно, божественного и блестящего. Что, конечно, запоминается матерью и впоследствии постоянно ею напоминает.

Избиение младенцев.

Полученный прогноз обсуждается ближайшими родственниками и истолковывается как небезопасный для царя и, возможно, также первосвященника. С учетом династических соображений встает вопрос об устранении этой опасности.

Окружением принимается или навязывается царю решение о радикальном решении путем убийства божественного наследника. А чтобы его не подменили с целью спасения, вероятно, вместе с молочным братом (сыном кормилицы). О заговоре мать заблаговременно предупреждает, после чего она с младенцем и верным слугой, фиктивно называемым ее якобы мужем, переодетые простолюдинами бегут куда-то «в Египет». Вероятно, на родину матери, где жизни царственного младенца уже ничто не угрожает.

Детство и юность

Последующее взросление, несомненно, сопровождается многократным напоминанием предыдущих эпизодов с обязанностью возвращения исконных *попранных* прав. Вероятно, так поступает любая мать, имевшая случай получить явное предсказание о будущей судьбе своего сына.

В котором к тому же проявляются и непрерывно возрастают магические способности, дополнительно подкрепляющие рассказами матери с необходимостью принятия решительных мер по достижении зрелого возраста. Вопрос состоит в том, как и какие права следует возвращать и в какой последовательности – царские, первосвященнические или же оба сразу.

В этом и состоят его колебания к моменту начала служения [1].

Нужно также определиться с признанием и поддержкой верного окружения. Сначала – великим магом, а после, вероятно, уже и царем. Для этого ему необходимо соратникам *частично* открыться. Поскольку намечаемое до времени остается великой тайной.

Оценка сложившейся ситуации

Итак, ситуация в целом понятна. Есть попранная справедливость с необходимостью ее восстановления. Но как это сделать? – Здесь путь один. Необходимо *индивидуальную*

несправедливость сделать *всеобщей*. Которую коллективными усилиями необходимо исправить. Требуется создать или обозначить народное возмущение, которое затем возглавить. Поскольку только он один в точности знает, в чем именно состоит выявленная несправедливость и как ее следует исправлять. Другими словами необходимо становиться *народоводителем*.

Миссия народоводителя.

Здесь возникает тема *спасения*. Время от времени искусственно формируются массовые панические настроения безвременного состояния и близкой или неизбежной гибели. Мир объявляется не просто не совершенным, что тривиально, но идущим по гибельному пути. Он катится к пропасти, неизбежность которой можно, однако, предотвратить, если принять заранее подготовленный и в нужный момент предложенный рецепт спасения. Для этого нужно отказаться от меньшего (имеющегося в наличии), чтобы взамен получить большее (в неопределенном, но обязательно *светлом* будущем). Предприятие олицетворяется неким спасителем или Мессией при утверждении единственности предлагаемого им спасительного пути. Он начинает борьбу против существующего порядка, олицетворяемого правителем, с целью уничтожения неправды и учреждения правды «за все хорошее против всего плохого» и вместе с ней – «всеобщего» счастья. Выражаемого в том, что после осуществления революции победители должны овладеть всеми имеющимися благами и далее ими по-своему распоряжаться – тысячу лет (дальше человеческой фантазии попросту не хватает, на наш же век и этого вполне хватит).

Словом, необходимо исправить несовершенство мира, допущенного почему-то творцом. В этом, конечно, усматривается не его, а чья-то вина, вызвавшая произошедшую *порчу* изначально совершенного мира. Она может быть персонифицированной, тогда виновника следует просто призвать к ответственности, или всеобщей, когда уже многим, если не всем необходимо раскаяться и исправиться. Это понимается, конечно, абстрактно, поскольку сами носители «правды» и «справедливости», готовясь выступить судебными исполнителями, такими недостатками не обладают. Так что всеобщее покаяние лично к себе не относят. И на любое встречное обвинение у них уже заранее заготовлен ответ: «А вы нас как?»

Иллюстрацией может служить фильм «Мы из Кронштадта», в котором подразумеваемое *реальное* убийство царевича ОПРАВДАНО *кинематографическим* убийством другого ребенка. Сопровождаемым при этом словами: «Ироды, ребенка-то пощадите», – прямое обращение к евангельскому сюжету.

Мессия это спаситель.

Итак, Мессия должен предстать в силе и славе, способной опрокинуть сопротивление всех, кому предстоит все это потерять. Чем больше сила, тем больше примкнувших к нему adeptов. Поэтому жизненный путь Мессии предсказуем – вначале непрерывный рост влияния и силы, а в случае неудачи катастрофическое крушение и неизбежная гибель. Где тот же самый народ, который восторженными криками приветствует его в момент успеха, первым готов собственноручно растерзать при неудаче, как не оправдавшего его «лучших» надежд.

Это представлено в текстах Евангелий. Вначале Христа приветствуют в качестве триумфатора, спасителя и царя, затем при внезапном его аресте всячески издеваются в качестве внезапно «прозревших», увидевших вдруг с его стороны всего лишь наглый обман. Попутно формируется секта фанатиков, непоколебимых сторонников, жаждущих реванша. С победоносным возвращением Учителя, хотя и погибшего, но воскресшего, чтобы судить всех страшным, но справедливым судом и отомстить своим обидчикам и их потомкам. И уж на сей раз непременно в силе и славе. Так выглядит ожидаемое его Второе пришествие.

Начало служения.

Как раз к такому моменту начала служения, а попросту – выступления относится его вопрос, кем именно его считают пока что ближайшие ученики. Миссия которых заключается в повсеместном распространении открывшейся им истины. Для этого она сообщается «по секрету» поскольку это наилучший способ надежного разглашения.

Им уже и так ясно, что это *великий маг* способный творить разнообразные чудеса. Но прежде всего нужно определить откуда у него такая сила – от *света* или от *тьмы*, кому она служит и каковы ее пределы? Ведь и теперь такого рода способности, называемые магическими или экстрасенсорными, церковь неизменно объявляет *искушением* тьмы, а вовсе не *дарами* света. Вслед за тогдашними обвинителями самого Учителя. Будущая казнь которого помимо политической подоплеки состоялась по обвинению в *худшем* предположении.

Требовалось же декларировать *лучшее*. Но как это сделать? Взять и самому во всеуслышание объявить – я сын Божий и ожидаемый вами Мессия? И как это будет воспринято? – Психологически явно с сомнением и недоверием. Подобно нелепому заявлению «Я – гений Игорь Северянин!» Да мало ли и других магов или пророков, тоже весьма могучих...

Психологическая проблема

Поэтому требуется, чтобы такую истину открыл для себя и провозгласил, конечно, не он сам, а кто-то другой. Чем и определяется смысл его беспокойных расспросов – «За *кого* они почитают меня?» как бы подразумевающих «за кого *из известных вам*» и неудовлетворенности от получаемых *случайных* ответов. «Иные говорили одно, другие другое, одни – за Иоанна Крестителя, другие – за Илию, а иные – за Иеремию или за одного из пророков». Здесь можно было бы предполагать повторное воплощение, но только не в отношении Иоанна Крестителя, недавно крестившего Учителя и уже пребывавшего в воплощении. Речь, стало быть, шла о РАВЕНСТВЕ – магическом или пророческом. Означавшем, что он *не тот*, о котором пророчествовал сам Иоанн – «Идущий за мною *больше* меня».

Поиски формулировки

Понятна неудовлетворенность Учителя такими ответами. До тех пор, пока, наконец, во мраке всеобщего непонимания не отыскался тот, кто подобно первому *петуху*, почувствовавшему приближение утреннего рассвета, внезапно провозгласил (или же прокричал) эту ослепительную догадку: «Ты есть Христос, сын Бога живого!». То есть не кто-то один из *прежних*, а наоборот совершенно новый и всеми ожидаемый *будущий* – Мессия. В чём и состоит *символ веры* новой религии. Ясно, что именно подобный ответ он и ждал. Поэтому вполне понятны его последующие слова «блажен ты, Симон, ибо не сам ты это постиг, а Бог тебе это открыл». Как и неожиданное «переименование» Симона, названного при этом «Петром». Каковое наименование и требуется раскрыть.

Донесение до других.

Итак, найденная догадка получила формулировку. Но как теперь донести ее до *других*, которые просто могли этого не понять? Здесь снова возникает психологическое затруднение. Просто сказать как в рассказе Конан-Дойля «Скандал в Богемии» – «да, я король, к чему скрывать?» – получится почти то же самое, что и самому о себе это провозгласить.

По существу здесь должно бы стоять в современном выражении что-нибудь вроде «Да, верно» или «ты прав, и на этой основе...» далее по тексту.

Однако здесь прямое подтверждение сродни избегаемому им собственному заявлению, психологически нежелательному.

Ответы Учителя и вообще намеренно метафоричны, использующие подобия (возможно, в целях наилучшего запоминания на слух), что подтверждается часто встречающимся оборотом «подобно тому, как...»

Особенно же необходимо проявление осторожности именно в данном случае *провозглашения*, уместного разве в посмертии.

Косвенное подтверждение

Поэтому он и не говорит прямо ни «да», ни «нет», хотя и не выражает порицания за эту «чрезмерную» похвалу. Напротив, сам хвалит Симона за эту *веру*, как если бы она была просто мнением.

Это примерно как если бы сказать женщине «ты очень красивая» и получить в ответ – «спасибо». А после добавить «ты САМАЯ красивая» – «спасибо за эту ВЕРУ».

Ведь что в данном случае может означать слово «вера»? Разве мы сами не говорим тем, кого сильно любим - «я тебя *обожаю*»? Что прямо и означает – считаю тебя божеством или же прямо Богом!

А значит, сказанное Симоном вполне может выражать всего лишь проявленную им большую любовь к Учителю. Который так и сказал – Бог есть любовь!

Поэтому недостаточно похвалить Симона за эту любовь, но и подтвердить, хотя и не прямо его ПРАВОТУ. Что и было выражено в сказанной им «загадочной» фразе.

Назвав его Петром – *вестником* «благой вести» (греч. – евангелие), подобным первому *петуху*, извещающему о приближении утра. И эта благая весть явилась закладным камнем будущей новой веры.

Поэтически предельно насыщенное, краткое и образное высказывание «Ты – Петр, и на этом камне...» в развернутом виде означает: «Ты ПЕТУХ – *вестник (глашатый) благой вести (евангелия), явившейся закладным камнем новой веры*, и на этом камне...» далее по тексту.

Здесь слово Петр это не имя, а смысловое прозвище, отныне ставшее именем. Его значение – ПЕТУХ, возвещающий о приближении утра. Подобно которому Симон тоже вестник, первым выкрикнувший новую великую истину. Причем это *русское* прозвище (Петр=Петя=петух, от слова *петь*) означает прекрасное знание Учителем, сыном якобы плотника, отнюдь не одного лишь приписываемого ему арамейского, но и русского.

Итак, выдвигаемая гипотеза состоит в том, что прозвище «Петр» означает вовсе не «камень», а *петух*. Что уже получается прямо по-русски, а не по-гречески. Хотя и помещено в греческом тексте.

Разумеется, русское понимание нынешними историками считается невозможным. Для чего и изобреталась «античность», специально отодвигаемая во времени от «первого упоминания» Руси на тысячелетие, чтобы исключить любую попытку сопоставления евангельских событий с одним только именем Руси или русского языка. Обычно это выражается примерно так: «изумленная Европа *вдруг обнаружила* существование огромного государства Руси» где-то во время государя Ивана III.

Превратив словесно даже посольство «откуда-то с Востока», прибывшее в точное время и место с единственной целью всеподданнейше приветствовать *царственными* дарами новорожденного (наследника), в каких-то волхвов, путешествующих «за путеводной звездой»,

неизвестно куда и откуда, и возвратившихся восвояси (хотя и иным путем) после завершения этой миссии.

Все это последствия Великой смуты – библейского смешения (смущения) языков (народов) Руси. Сопровождаемого умышленными затемнениями и недоговорками.

Что после разгрома и последующего расчленения Руси в ходе Великой смуты всячески пытаются скрыть, как и само ее существование и соответственно русского языка в эпоху евангельских событий. Посредством ложных датировок, приведших к возникновению этой «неразрешимой» лингвистической проблемы.

Есть ли в евангелиях еще какое-либо сопоставление Симона именно с петухом? – Да, и притом очень яркое. Ведь это именно он хвастал, что готов тут же умереть за и вместе с Учителем «с тобой я готов и в тюрьму и на смерть идти» и даже *якобы* отрубил ухо какому-то стражнику, за что должен был, конечно, тут же убит на месте. По-русски это и называется *распетушиться*.

И это *ему* говорится Учителем, что не пропоет трижды *петух* и ты трижды же, т.е. *окончательно* от меня отречешься. Так все и происходит в подтверждение *петушиной* сущности Симона. Не зря ведь воры «опущенных» называют именно *петухами*. И первым таким опущенным стал Симон. Сходу отрекшийся от Христа. Он также символ «практичности».

Впоследствии он снова трижды (тоже окончательно) повторно признал учителя уже посмертно. А при возникновении угрозы жизни он снова «твердо» бежит из Рима «по просьбе трудящихся», бросаемых им на произвол судьбы.

И лишь при встрече с самим Учителем, объявившим ему, что тот идет, чтобы быть распятым заново, он по легенде *якобы* устыдился и возвращается, чтобы добровольно предаться мучениям (был, вероятно, попросту схвачен).

Словом, по характеру Петр не был *восточным* ФАНАТИКОМ, скорее *западным* прагматиком. Подобно нынешним коммунистам, тоже флюгерам, ловящим ветер. Заслуга Петра вовсе не в его каменной твердости (которой не было), а в том, что он ПЕРВЫМ признал Учителя и открыто это провозгласил.

Но и толкование, что если не Петр, то сам Учитель является «камнем» тоже опровергается его словами «Господи, да минует меня чаша сия», продолженными со вздохом покорности «но пусть будет воля твоя, а не моя». Другими словами здесь у него просто не было выбора.

Так что единственным «камнем» в фразе Учителя является сам символ веры, выраженный *петушиным* криком Петра: «Ты есть Христос, сын Бога живого». Ставший *закладным камнем* новой великой истины. Никаких других камней попросту нет.

Поскольку Петр, названный *ключником*, избран мистическим главой Западной церкви (но не Восточной), его новое «имя» вызывало, конечно, сомнения и на самом Западе. Прозвище Петух вначале *почетное*, затем *двусмысленное*, запятнанное напоминанием о непостоянстве, эволюционировало в сторону некоторой его маскировки: Петр=Петер=Патер=Папа. С крушением средневековой Руси смысл этого прозвища постарались и вовсе забыть вместе с ее языком, дабы не искушать верующих. При этом, однако, изображение Петуха, намеренно затуманенное неясными толкованиями, во множестве сохранилось на западных церквях взамен креста, символизируя собой Петра, а не Христа. Что в понимании Восточной церкви должно было служить явной ересью. И было насмешливо обыграно Пушкиным в «Золотом петушке».

Его использование в качестве *флюгера* на церквях, уже не отождествляемое прямо с самим Петром, уклончиво называют символизирующим *бдительность по отношению ко всякого рода злу*. Или же его *изворотливость*, маскируемую легендой о тоже мучительной гибели.

Его еще называют «галльским петухом», символизирующим собой *католическую Францию*. По-латыни петух это *gallus*. Легкое искажение *русского* ГОЛОС. Которым у нас подается команда собаке.

Необходимые иллюстрации.

Примеры Западной (католической) церкви Петра. Здесь Латвия – церковь Петра (кого же еще, раз наверху разместился Петух).

Рис. 1. Рига, церковь святого Петра.

Вот он на монете более крупно:

Рис. 2. Тот же петух на шпиле рижской церкви святого Петра, изображаемый на монете.

Вот несколько крупных изображений.

Рис. 3 Петух в качестве флюгера, символизирующего «постоянство» Петра.

Рис. 4. Здесь Иерусалим.

Рис. 5. Это Ирландия.

Вот нечто похожее на *русском* Владимир Дмитриевском соборе.

Рис. 6. Владимир Дмитриевский собор.

Но это, вероятно, уже не петух, а голубь – символ Святого Духа, слетевшего на Христа во время его крещения. Символизирующего самого Христа, а вовсе не одного из его апостолов. Пусть даже и ключника.

Не удивительно, что и царь Петр, – ставленник Запада, – носит и сам это имя, и его новая столица названа так же.

Еще две подборки.

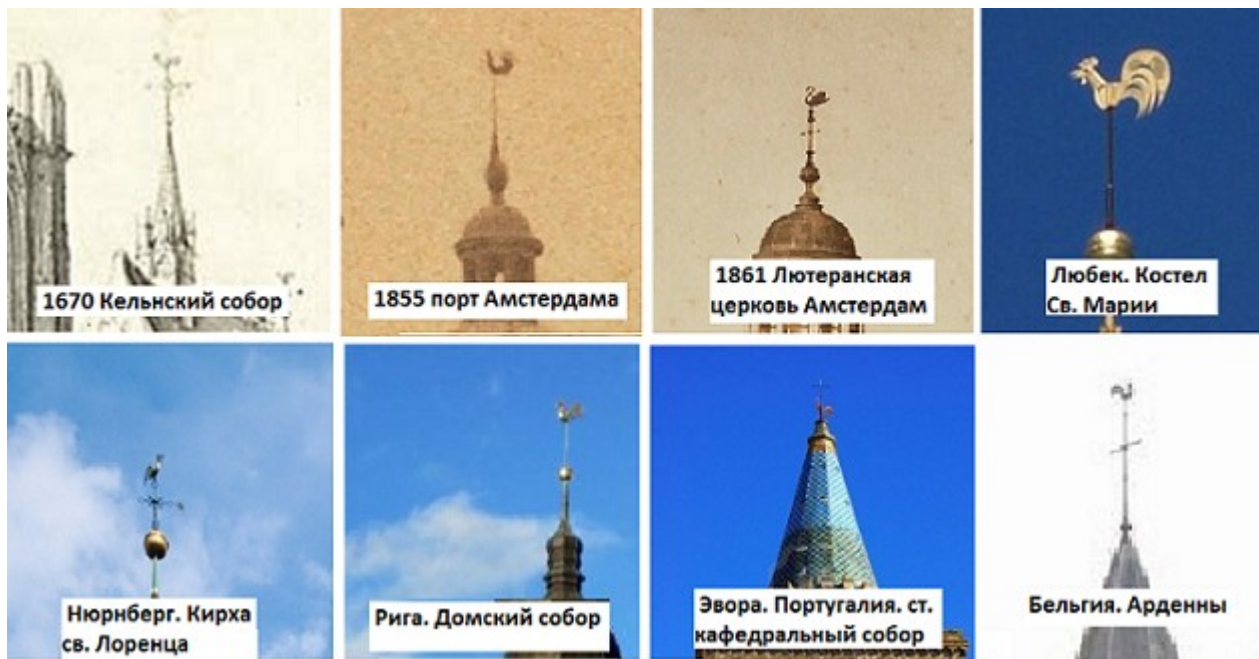

Рис. 7. Петух на шпилях западных церквей.

Рис. 8. Петух на шпилях западных церквей.

О чем же кричит этот Петух, взлетевший на шпили католических храмов? – Естественно, провозглашает Симонову «благовую весть» (по-гречески «евангелие»): «Ты есть Христос, сын Бога живого!»

И вместе с этим свидетельствует о *русском* значении имени Петр. Якобы вовсе не существовавшем в евангельскую эпоху. Отчего и возникла эта лингвистическая проблема.

Литература

1. Сомсиков А.И. Евангельские отражения в народных сказках <http://sciteclibrary.ru/rus/catalog/pages/8714.html> .